

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Анонимный автор

ПИСЬМО РУССКОМУ ДРУГУ *

(Отрывки)

Белорусский язык...

*В век научно-технической революции
не достигнет ли его участь волжского
диалекта?*

Вашим вопросом взята под сомнение существеннейшая черта моего народа, в котором выражен дух, индивидуальность, и в конечном итоге — жизнестойкость белорусов.

Вопрос о белорусском языке, перенесенный из средневековых, дореволюционных эпох, в известном смысле еще существует. В объеме намного меньшем, нежели существовал он, скажем, сто лет тому назад, когда и белорусский язык, и весь околодесятимиллионный народ, говоривший на нем, объявлялись химерою или "польской интригой" в Северо-западном крае; там по триединой формуле — самодержавие, православие, народность — решалось "русское дело", дело скорейшего превращения тогдашних "западноруссов" в "истинно русских" людей.

На вещей вопрос "посмотрим, что скажут еще сами белорусы" относительно своей самобытности и исторической жизнеспособности, который для угнетаемого и унижаемого народа прозвучал в те мрачные времена голосом искреннего сочувствия и светлой надежды, на этот вопрос мои соотечественники представили и продолжают представлять немало доказательств различного свойства и "калибра", снимая сомнения относительно своего естественно-исторического места в общем предназначении народов и человечества...

* А „Samizdat” Publications from Soviet Byelorussia, London 1979.

... (Проблема белорусского языка) действительно существует — в остатках ли империяльного мышления, в рецидивах ли империяльной политики — рая и белорусов, не оставляя безучастными и сторонних наблюдателей. В реакции со стороны на современное положение белорусского языка заметно различие во взглядах посещающих БССР украинцев, поляков, чехов, словаков, болгар и русских. Первые недоумевают по поводу искусственного сдерживания, вторые — по поводу "искусственного" насаждения белорусского языка в Белоруссии.

В своих сомнениях Вы — не исключение, хотя мне и трудно скрыть досаду, что стереотип о моем родном слове не чужд даже русским просвещенным умам, не исключая тех, кто сегодня болезненно задумывается над возрождением русской идеи. О массовом обывателе, у которого от усердного поклонения золотому тельцу и "литым богам" притушается чутье к собственным национальным ценностям, говорить не приходится.

В Белоруссии мы являемся свидетелями развернувшейся ассимиляции. Устроители этого духовного кастрирования населения действуют под знаменем интернационализации и неизбежного слияния наций, игнорируя ту элементарную истину, что в будущую единую общечеловеческую семью придут и идут не безязыкие народы-кастраты, забывшие свои имена и достоинства, а каждый принесет с собой неповторимый букет своего разумения истины и красоты. С какой стати белорусам передавать кому бы то ни было право выражать за них их собственное предназначение на этой планете, тем более, что неоднократные попытки могущественных соседей белорусского народа выразить за него волю и стремления оборачивались нередко в ущерб белорусам, создавая на этом участке цивилизованной Европы "культурное" подобие колониальной Африки...

Разумеется, ассимиляция..., как бы она ни форсировалась, имеет свои пределы, ограничиваемые (пусть и ограниченной) белорусской государственностью, и поэтому она бессильна сдерживать развитие языка и культуры белорусского народа, хотя способна сужать естественные границы этого необратимого процесса, тормозя и деформируя его. И хотя "русское дело" в Белоруссии в 1977 году ни по содержанию, ни по форме, ни по своим конечным целям не адекватно своему однофамильцу 1877 г., нас не может не тревожить сам факт существования такого, пусть и в иных, более гуманных формах.

... В раннем средневековье... только ли естественным стремлением полоцко-туровских, витебских, минских, гродненских (не решаюсь добавить: и смоленских) капиталов на Запад и т.п. "материальными" причинами объясняется поведение белорусских князей-"сепаратистов"? Которые, не вняв кровопускательным урокам, и позднее норовили сторониться общей упряжки, заставляя сокрушаться (на сей раз сына Мономаха — Мстислава) тем, что "зане не бяхуть в его воли, не слушахуть его, коли зовяше в русскую землю на помощь на паче молвяху Бонякову, шелудивому во здравие". *

Причины такой политики коренились, по мнению историка, "в настроениях самого населения", обусловленных, в свою очередь, географией, климатом и иными естественными факторами. **

Только что отмеченные моменты симптоматичны в плане начального своеобразия в развитии этнической самобытности белорусов, обозначившегося, по-видимому, еще до возникновения противодействующих явлений чужеродного свойства (литовцы, немцы, шведы, поляки).

В битве на Неве 1240 г. против шведов и крестоносцев вместе с новгородцами и суздальцами сражались полоцкие воины... В 1262 году в поход против Ливонского ордена "ходиша Ярослав Ярославич и Товтил Полочский, Новгородцы и Псковичи, и Полочани под Юрьев, единым приступом три стены взяша, а немцы избиша". ***

Между тем, древнебелорусское летописание прояснило бы, возможно, предопределенное Богом и Природой живое творческое начало в духе моего народа, которое в последующие нелегкие столетия помогло ему сохранить и закрепить свою индивидуальность, предохранив от растворения в литовско-польской стихии, а позднее — от капитуляции перед тотальным обрусением.

Это начало уже в эпоху крушения государственных империй и заката империльных религий помогло белорусам во всеуслышание заявить о праве "людзьмі звацца". Помогло выжить, от-

* Цит. по: Любавский М.И. Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918, с. 11.

** Там же.

*** Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах. Т. 1, Мінск 1972, стар. 119.

стаивая завоеванное право, тогда, когда не только дух, но и плоть его оказалась на грани физического истребления. Тем самым — человеческим пеплом Хатыни и 627 Хатыней,* жизнью каждого четвертого — они, белорусы — окончательно заручились признанием и уважением народов и государств, заняв свое место в Организации Объединенных Наций.

Правда, кое-кто и поныне хотел бы иметь дело с белорусами и даже расточать комплименты по части их мужественного и добродушного нрава за пределами... белорусского языка. Не смущаясь тем, что это был бы взгляд не на живой народ, а на некий этнографический манекен, лишенный души и поэтому безучастный к напяливаемым на него различным "языковым" одеждам. Подход к белорусам как к этнографическому материалу, годящемуся лишь для других, "исторических" народов, столетием раньше мог (по причине "спячки" белорусов) сойти за обыкновенное заблуждение.** Сегодня же вненациональный (внеязыковый) взгляд на этот народ, после представленных им стольких и столь дорогостоящих свидетельств собственной исторической полноценности, трудно не назвать кощунством. И то,

* Хатынь — белорусская деревня в 54 км на северо-восток от Минска; была сожжена немцами 22 марта 1943 г. Во время этой трагедии погибло 149 человек, в том числе 75 детей. В настоящее время в Хатыни стоит памятник жертвам белорусского народа.

** Можно поэтому снизойти к тогдашнему мнению неизвестного великорусского патриота, чья историко-философская культура в наших глазах оказывается весьма поколебленной: "Северо-западный край — точно такая же Россия и на точно таких же основаниях как сама Москва" (Данилевский И.А. Россия и Европа). Хотя уже тогда и Северо-западный и Юго-западный края начинают доставлять свидетельства, опровергающие свою русскую "истинность" в московском (великорусском) разумении: "Польские политики прикладывали к Белоруссии и Украине мерку шляхетской республики и католической административной нетерпимости, московские стали применять к ним аршин боярской монархии и нетерпимости православно-обрядовой" (Драгоманов М.П. Собр. полит. соч., т. 1, Париж, 1905, с. 16); "Бросив самый поверхностный и беглый взгляд на прошлое и современное Белоруссии, мы находим в ней весьма поучительные черты, а именно то общее явление, что как энергично ни насаждалась культура в народе, она никак не может привиться, если не соответствует духу народа и если она не проистекает из органической потребности национальной жизни" (Данила Баровик, Письма о Белоруссии, Спб., 1882. — Цит. по: Александрович С.Х. Пуцявіны роднага слова. Мн., 1971, стар. 60).

что признавалось нормой в самодержавной России — тюрьме народов, в "союзе нерушимом республик свободных, сплоченных навеки великою Русью", можно и должно называть истинным именем: шарлатанством...

Истории не так давно угодно было еще раз — и теперь с особой пристальностью и суровостью — взглянуть в лицо белоруса, испытать на прочность дух белорусский: его расстреливали, вешали, сжигали. Выстоял он, пронеся сквозь могильные рвы и дымы пепелищ свое слово родное...

Язык, закаленный под пытками варваров "чингис-ханов с телеграфами" (А. Адамович), выжил неужто затем, чтоб исчезнуть в хитросплетениях "просвещенного" молоха? Не думаю.

Научно-технический прогресс несет в себе не одну сплошную унификацию. Дифференциацию, разнообразие — тоже...

Техническая революция — не только смерть и гниение. Она также — рождение и пробуждение. В народе, как и в личности, она усиливает позиции знания, а с ним — достоинство, гордость, дух творчества, самовыражения и самоутверждения...

От нас с Вами зависит, чему отдать предпочтение.

Нашлось же трое белорусских интеллигентов: * они вооружились этой самой "НТР", обезздили и обошли белорусские села и местечки, записав на магнитофонную ленту воспоминания уцелевших смертников Хатыней и явив современникам и потомкам уникальный исторический и литературный памятник.

Вглядитесь же в лица живых из "вогненных весак", вслушайтесь в их печальную речь, от которой веет не только печалью. Многие поведают Вам эти люди, в том числе и о бессрочном папорте своего языка.

Белорусский народ — народ, как свидетельствуют дни минувшие и нынешние — не раб и не нем...

Поначалу польский король норовил достругать мой народ до блеска окатоличенного шляхтича. Затем московский царь-единоверец, исправляя старания своего польского коллеги, "враче-

* Есть, вопреки допущенному вначале огульному утверждению, своя интеллигенция в Белоруссии. Правда, в пропорциях, уступающих количеству кадров с высшим образованием, но способная сообщить народу национально-интеллектуальное ускорение, сдерживать которое не в состоянии самая многочисленная рать чиновников и "генералов".

вал" над израненным белорусским организмом, сляясь вдохнуть в него великодержавный дух "истинного" великоросса. Парадоксальнее всего, что усердия эти проистекали от "великороссов" с немалой примесью в них германских кровей. Как сказать, не завершилось ли бы "врачевание" по прусскому образцу испусканием живого духа белорусов, не поспешила ли история на время для ветеринарных усилий российского императора и не прикажи она двуглавному орлу долго жить. Возможно — не поторопись история — на сегодняшней 2700-язычной планете одной мовой было бы меньше, а у "великого и могучего" — одним диалектом больше...

Польский король старался триста лет с лихвой. Российский царь — полтораста лет. Почти полтысячелетия мой народ, оставленный и преданный своими высшими и средними слоями, норовили, каждый на свой лад, сделать "истинным". Не вышло...

Белорусский народ (вышел), однако, из столь длительной инквизиторской лаборатории духовно надломленным. Почти без своих писателей, историков, философов, художников, композиторов.

Четыреста лет позволялось ему только рожать для более могущественных соседей Костюшек, Мицкевичей, Достоевских. Не позволялось зато передавать детям своим собственный язык, посредством него — дух и мудрость народа. И вырастали дети, забывшие своих родителей, сменялись поколения, не помнившие уже своего первозданного родства и имени. И сами белорусы уже было основательно засомневались в своей самости, "явив" почти в центре Европы этнографическую диковинку — мужицкий народ, именовавший себя "тутэйшыми".

Должно быть, значительный "масштаб совершенства" (И. Гердер) изначально был сообщен этому народу, коль встряхнулся он от духовной спячки и запямятования именно тогда, когда история уже, казалось, завершила в этой части земли поименную инвентаризацию всех народов и государств.

Богушевич, Купала, Колас, Богданович, Тетка, Ядвигин, братья Луцкевичи... Из недр белорусских являются люди и стремятся выразить — пусть не все одинаково верно и удачно — идею своего народа, скрытую под его домотканым рубищем. И как раз с *возрождения белорусского языка* начинают они свою великую и нелегкую работу.

Этот язык еще четырьмя столетиями раньше звучал во дворах литовско-белорусских канцлеров и магнатов, выразил совершеннейшее по тем временам законодательство (Литовский статут), гением Франциска Скорины явил белорусам и всему восточному славянству первый перевод "Библии", содействуя "научению простых людей русского (не смешивать с русским — авт.) языка" и "лепшаму выразумлению люду христианского и посполитого". Этот язык, столь обещающе заявивший о себе во времена Ренессанса, оказывается на несколько веков (ирония геополитик и геокultur?) оттесненным со всех улиц и перекрестков публичной культуры и политики и загоняется в курные крестьянские лачуги. Этот язык в его собственном доме низводят до положения гадкого утенка...

"Не кідайце мовы сваей, каб не умерлі" ("Ради жизни язык свой берегите") — с таким наказом вступили белорусы в XX век, одновременно наворачивая дела эпох минувших, некогда их обошедших, и осуществляя явления новой эпохи...

Судите сами. В 1906 году усилиями небольшой группы мелкошляхетских интеллигентов-белорусов вышли первые газеты на белорусском языке "Наша доля" и "Наша нива", не без раздражения встреченные тогдашней русофильствующей и полонофильствующей публикой как нечто надуманное и противоестественное.* 70 лет спустя представитель ООН с благодарностью принимает от моих соотечественников 12 томов "Беларускай Савецкай Энцыклапеды" на хранение в книжных архивах Объединенных Наций. К языкам, ... осваивающим творения

* К тем временам восходят бытующие кое-где и поныне суждения: "Культура русская и культура польская слишком сильны, чтобы допустить возможность образования между ними третьей искусственной культуры — белорусской, не имеющей под собой реальной почвы ни в истории, ни в литературе, ни в жизни" ("Белорусская жизнь", 1911, № 20). Этот тезис имел авторитетного предшественника еще в 1867 году: "Дело идет об истреблении полонизма, а белорусы, как будто уже избавленные от опасности, хлопочут не о спасении от польского ига, а о сохранении местных особенностей! Да и есть ли эти особенности?" (Из письма И.С. Аксакова к М.О. Кояловичу. Цит. по: Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века. Мн., 1976, с. 141). Велкорусскому "молоту" вторила польская "наковальня": "Белорусский народ никогда не имел и не имеет своей литературы. Создала ее польская интеллигенция. Создана она искусственно." ("Правда", Варшава, 1910, на польском языке).

белорусов, недавно прибавился английский язык. Уолтер Мэй, переводчик антологии "Белорусской поэзии", стремился передать английскому читателю "красоту, музыкальность белорусского языка, его искренность и силу, раскрыть источник мужества и непоколебимой веры народа в лучшее будущее, все то, что (он) так полюбил в белорусской поэзии и в белорусах" ("Звезда", 10 октября 1976) ...

Словом, наказ Мацея Бурачка, отца белорусского возрождения, не забыт. Живет и развивается язык белорусский, а с ним — народ Белоруссии. И если кому-то кажется, что это развитие — к закату, то в таком заблуждении меньше всего повинны белорусы.

Вопрос, с которого началось это письмо, ... отражает определенное отношение к белорусам со стороны. Так уж ведется издавна, — Вы это видели, — что роковое "со стороны" далеко не всегда "угадывало", что для белорусов лучше и что хуже...

Почему и сегодня белорусам приходится тратить немало усилий на расчистку завалов, препятствий с пути развития своего языка, своей культуры?

Исчерпывающие ответы на эти вопросы не по моим силам, как бы ни удлинялось и без того растянувшееся письмо...

Тем не менее, решаюсь привлечь Ваше внимание к одной существенной стороне вопроса, способной, может быть, раскрыть и сам вопрос. А именно: к остаткам "русского дела"... в... суверенной социалистической Белорусской Республике.

* * *

Вот что свидетельствует "Лысая гара", литературный памятник белорусского народного творчества семидесятых годов XX века:

Был час, был век, была эпоха,
Когда налопавшись в отвал
Кой-кто уверовал в панчоуху —*
Надежно-сытый идеал.

Когда в родной столице Минске
Культурно вскормленный нахал
Самоуверенно по-свински
Родную речь мою пинал.

* Панчоха — чулок.

Когда иной артист народный,
Не зная двух народных слов,
За сытый харч "творил" здесь плодно
К усладе тутошних ослов.

Они давно готовы были,
Давя с трибуны души крик,
Добить на нет, свести в могилу
Купалы-Коласа язык.

Когда бы партия по-русски
Не укрощала волчью прыть,
Они и дух наш белорусский
Живьем не прочь бы проглотить.

Не вижу нужды в более веских доказательствах...
Поэтические обобщения такого накала не вырастают сами по себе. В них — кровоточащая рана белорусов. На тех, которые в начале века, пожелав "людьми зваться", понесли по свету на изможденных плечах "свою кривду". Дети и внуки тех белорусов уже стали людьми и потому-то не могут примириться с ущемлением их национального достоинства...

В чем причины ассимиляции? Кто ее непосредственные виновники?...

Зло отчасти — в самой эпохе, позволяющей "панчохе" котиrowаться идеалом высшего порядка. Трудно понять — откуда возникают такие "идеалы", ... но они налицо и чтобы в том убедиться — не обязательно ехать в столицу Белоруссии...

Признаюсь Вам: рассматривая полки и витрины книжных магазинов Москвы, вчитываясь в заголовки русских газет, в чем-то недалеко ушедших от "казенных громкоговорителей" (М.Кольцов), не нахожу картину с моим языком более мрачной нежели нынешняя картина с языком Пушкина, Гоголя, Твардовского, Шолохова. Какая доля из словарного запаса этого языка находится сегодня в общеупотребительном обиходе?..

"Окраинам" не безразлично, с каким багажом жалуется к ним "великий и могучий". Со словами: революция, коммунизм, социализм, коллектив (пусть себе и заимствованными), или со словами и словосочетаниями: блат, бронь (билет на поезд, в театр и т.д.), дефицит (почти во всем), очередь (почти за всем, за

водкой — в особенности), бардак (почти везде), в долгу не останусь (намек на взятку) и бессчетным множеством т.п. вкroppившихся в жизнь и быт белорусов (только ли их?). Куда печальнее, когда развитый и великий язык становится средством для целей отнюдь не великих, причем не обязательно в руках русских.

Так, недавно они приняли закон БССР о народном образовании, записав в нем, что учащимся средней школы предоставляется возможность обучения на родном языке или на языке другого народа СССР, а родители имеют право выбирать для детей по желанию школу с соответствующим языком обучения. А вот политика, действующая "по закону": "Открывая широкие возможности для изучения белорусского и русского языков, мы считаем *непозволительным* какие-либо шаги, создающие предпочтительные условия для любого из них, подчеркивающие приоритет того или другого". *

Стоит Вам заглянуть в Белоруссию, чтобы убедиться в том, как справедливая буква закона и внешне безобидные слова "политика о равенстве обоих языков" оборачиваются на практике "равенством" Красной Шапочки и Серого волка, как резко сокращается количество школ с белорусским языком обучения, как учащиеся повально ("по желанию родителей") стремятся освободиться от изучения родного языка, а если и принуждаются к изучению (кто-то же должен, коль существует Белоруссия, изучать и белорусский...), то "изучают" его со всей изобретательностью усвоения не ахти любимых предметов.

На следующей ступени учащегося будут, скажем, в Бобруйске, учить палехскому промыслу, но не традиционной белорусской росписи, еще выше — учить проектному и строительному делу главным образом в ракурсе железа и бетона, в век НТР действительно "безнациональных". Таким образом вырастают художники, готовые зарабатывать, но не способные творить. Появляются проектировщики, обделенные чувством национального своеобразия, не способные подняться выше фантазии обитателей города Глупова.

К примеру, белорусские глуповцы хотя и не Волгу "толоком замесили", зато живую Немигу засыпали песком и укатали ас-

* Кузьмин А., Интернациональное воспитание... — "Полит.самообраз.", 1977, № 2, с. 42.

фальтом, снеся заодно единственный в Минске старинный квартал — сердце древнего города. На сим месте нынче царствует роскошный пустырь. Со временем, говорят, он украсится не менее роскошными торговыми рядами (непрененно "самыми-самыми"). И наша бедная историческими достопримечательностями белорусская столица обогатится, наконец, уникальным сооружением — памятником Головоотяпству НТР-ской эпохи...

Живопись, скульптура, графика, плакат, музыка, кино, картографическое искусство, словом, состояние всей белорусской культуры нельзя понять вне проблемы белорусского языка.

Что же в том предосудительного, спросите Вы, если люди охотнее предпочитают русский язык — белорусскому? Как же можно не считаться с желаниями людей? Но в том-то и суть проблемы — кошунственная суть, — что внешние и случайные (привнесенные многолетними неблагоприятными обстоятельствами) признаки выдаются порой за естественное волеизъявление.

Следуя такой сомнительной логике можно было, к примеру, и в 1922 году внять настроению слущкого крестьянина, отказывавшегося поддерживать школу в его деревне лишь на том основании, что там "молиться не учат, а некую белорусскую моду вводят"*...

Буревестники революции, — выступавшие в первые годы советской власти против "искусственного насаждения" белорусской национальности,** в сердцах, видимо, считали себя правыми, полагаясь на тогдашнее настроение усредненного белоруса, еще не совсем очнувшегося от четырехсотлетней спячки.

* Колас Якуб. Збор творау. Т. II, Минск, 1976, стар. 34.

** "Мы считаем, — писал секретарь Северо-западного комитета РКП (б) В. Кнорин, — что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от русских, должны быть изжиты" ("Звезда, 6.Х.18 г.). На XI съезде партии наркому И. Сталину пришлось специально останавливаться на заблуждениях национальных нигилистов, противящихся самоопределению белорусской нации (см. XI съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 213). Кто победил бы тогда в споре — пессимисты или оптимисты — сказать трудно, не выйди к тому времени "мужичкий язык" из-под соломенных стрех на бурлящие перекрестки эпохи. Белорусское движение той поры вместе со своими героями еще дождется достойного внимания и уважения потомков.

Буревестникам светлого будущего еще предстояло усвоить элементарный урок истории, что ни соединение пролетариев всех стран, ни установление всемирного братства народов не мыслимы над национальностями и тем более — вопреки им. Жизнь вскоре заставит их признать, что революция — если не сводить ее к обыкновенному политическому перевороту — не преподносится народу в качестве подарка; она совершается *самим* народом сообразно его историческому опыту и духу.

Только на этой основе белорусы... (могут) как бы заново создавать и самих себя: людей со своим именем, языком, со своей культурой...

Из 60 лет советской власти отнимите 20 лет на территориальную расчлененность белорусского организма, 7 лет на две войны, вдоль и поперек перепавших этот край, лет 10 — на послевоенную нормализацию (проблемы куска хлеба и крыши над головой). Остается всего лишь 20 с небольшим лет, да и те не лишены крайностей или обыкновенного авантюризма в национальной политике.

За столь короткий срок стало возможным понастроить в Белоруссии заводов и городов, осушить болота (перестарались, говорят, и здесь, сводя местами осушение к иссушению)... Но не успелось — и не могло успеться — завершить национальное возрождение, высшим проявлением можно было бы считать постижение народом *всеобщей языковой культуры* и национальной культуры в целом. Когда белорусская речь в форме литературного языка *вернулась бы* (уже не в дворцы канцлеров и магнатов) в кабинеты судей и политиков, в залы заседаний, в детские сады, школьные классы и студенческие аудитории, в театры и клубы (не только и не столько на сцену), на улицы и площади городов и поселков. Словом, когда она из орнаментального украшения превратится в *живую ткань* общественной жизни, а звучание белорусского слова в троллейбусе, в магазине белорусской столицы будет восприниматься так же естественно, как сегодня воспринимается здесь испорченный русский язык, который, в самом деле, скорее напоминает диалект нежели оригинальный язык...

Трудно сказать, когда придет поколение белорусов, окончательно излечившихся от комплекса языковой неполноценности, от своеобразной национальной стыдливости. Но формирование этого поколения — уже сегодня живая реальность...

Политики, допущенные к этому необратимому процессу, могут его ускорять или замедлять (чаще, к сожалению, они предпочитают последнее), но не в состоянии "преодолеть" его внутреннюю логику даже с помощью вводимых законов, открывающих путь к... беззаконию.

"Охранителям" равенства прав обоих языков в Белоруссии почему-то невдомек, что сие "равенство" *на неравных* исходных возможностях того и другого и что более сильному больше предоставляется ... привилегий.* Им, всерьез, видимо, считающим себя марксистами-ленинцами, невдомек, что после многовековых преследований, сильно затормозивших и деформировавших развитие белорусского языка, следует прежде всего устранить *фактическое неравенство* — огромные историко-культурные диспропорции в уровне обоих языков, словом, обеспечить "выравнивание уровней"...

Некоторым "законодателям" 30-х годов, отмеченных тотальным наступлением на юные, еще не окрепшие силы белорусской интеллигенции (Гарэцкі, Ігнатоўскі, Александровіч, Шчакацін, Галавач, Чарот...) тоже было, видимо, невдомек, что их р-р-революционное наступление на "буржуазный национализм" в социалистической Белоруссии не далеко отошло от самой махровой контрреволюции, прикрывающей грязную работу красным стягом. И что через каких-нибудь двадцать лет время реабилитирует жертвы, хотя (пока) не назовет истинным именем инициаторов и исполнителей "нероновщины XX века". Белорусская культура еще не скоро оправится от кровопускания над первым поколением ее интеллигенции, брошенного в пасть угольно-золотых разработок Крайнего Севера и Восточной Сибири...

Отметим по ходу, что на русском языке был составлен приговор 1864 года о повешении в Вильне Кастуся Калиновского — первого белорусского интеллигента и революционера. Этот же язык сопутствовал шельмованию и "пуску в расход" (еще одно словосочетание) Калиновских нового времени. Дело, разуме-

* Например, в БССР из 88 журналов 58 выходят на русском языке, 30 — на белорусском. На Украине соотношение (соответственно): 185 : 75 : 108. Лишены белорусы, в отличие от украинцев, своего исторического журнала, "Иностранной Литературы" и т.д.

ется, не в языке, а в конкретных носителях его. Потому-то я и не могу не привлечь Ваше внимание: в мой край язык братского народа приходит не только в образе мятежной лиры Лермонтова и боготворящей грусти Чехова. Но также — в обличье самовольного, непререкаемого "не п...потерплю", заглушающего нередко наше родное мягкое "калі ласка". И сегодня под пресловутое "не п-п-потерплю" (в условиях НТР стало возможным серийное производство уникального органика градоначальника Бурдастого) в Белоруссии продолжается охота за "националистами", хотя, — надо отдать справедливость, — способами более демократическими. Нынешние "охотники" научились обходиться без кровопусканий. Со временем, можно надеяться, они набьют оскомину и на духовных репрессиях, когда официальными обличениями убивается истина ("давя с трибуны души крик").

...Развитию родного языка и не только — могла бы значительно содействовать белорусская интеллигенция. Но та сама, как Вы знаете, страдает недугом безъязыкости. В этом ее и вина и беда. В этом, может быть, одна из острейших проблем белорусской национальной жизни...

Где же выход? ... Он в создании подлинно равных (хотя бы равных, коль "непозволительны" льготы) условий обоим языкам.

Что же происходит на практике? После 400-летнего изгнания нашему родному языку позволили, наконец, существовать рядом с русским, однако на условиях, чем-то напоминающих условия приживальщика (на своей собственной земле!): он вытеснен из сферы дошкольного (город), отчасти — школьного, профессионального, среднего специального, высшего воспитания и образования; не позволили ему закрепиться ни в партийном, ни в советском аппарате, обслуживающем всю официальную жизнь Республики.*

* Между тем, когда юная революция и в этом направлении сделала было первый и, как оказалось, последний шаг, ставя задачу "даляшага паглыблення і пашырэння беларусізацыі у партыйным і савецкім апаратае", выдвигая не менее благородный лозунг: "каб уся КП(б)Б загаварыла на беларускай мове" (XI з'езд Камуністычнай Партыі (бальшавікоу) Беларусі, Мінск, 1928, стар. 424). Сегодня белорусская парторганизация — единственная, пожалуй, из всех республиканских п/о, не жалующая свою родную речь на заседаниях, совещаниях, бюро,

... И все же возможности денационализации белорусской интеллигенции не беспредельны. О бесперспективности отмеченного явления можно судить по глубинным тенденциям как самого белорусского общества, так и сопредельных с ним народов — поляков, украинцев, литовцев, латышей; всего современного человечества.

... Никто не склонен приуменьшать значения других социальных слоев белорусского общества в довершении национального возрождения. Можно, однако, предположить, что возрастание роли рабочих, специалистов, чиновников, профессиональных военных и т.п. в этом процессе во многом обусловлено усвоением ими высших ценностей национальной культуры и в первую очередь литературного языка.

... Многие говорят за то, что завтрашний день явит нам нечто вроде единого национального фронта. ... И тогда мой народ, окончательно познав и осознав свою собственную идею, тот самый "масштаб совершенства" и став полновластным хозяином в своем доме, вряд ли позволит напяливать на себя без надобности иноязычные одежды. Так как осуществить свое предназначение ему возможно и удобнее будет в своей исконной, белорусской...

Я не могу не надеяться на понимание и поддержку русскими друзьями сегодняшних стремлений белорусов, частично обозначенных в этом письме ... в полном согласии с пониманием всеславянского единства его непревзойденными выразителями:

"Было бы очень прискорбно, если бы, например, подражая политике канцлера Бисмарка, мы поставили вопрос о наших окраинах на почву принудительного и прямолинейного обрусения".*

XI.1976 – IV.1977 гг.

пленумах, сессиях, собраниях. Не думаю, чтобы и эта "интернационалистская" черта долго оставалась нерушимой. В частных беседах и в "урезать — так урезать" и здесь начинают все чаще отводить душу родным, заменимым словом.

* Соловьев Вл. Национальный вопрос в России, Спб., 1888, с. 106.